

УДК 159.923:316.37

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И ИХ СООТНОШЕНИЕ

Б.С. Алишев

Аннотация

В статье анализируется сохраняющаяся актуальность для психологии проблема социальной установки. Развивается идея о существовании разных по происхождению установок. Теоретически обосновывается наличие фундаментальных установок, имеющих глубокие корни в биологической организации человека. В ходе эволюции они становятся частью культурной системы и могут слабо рефлексироваться на индивидуальном уровне. К ним автор относит установки в континуумах: «авторитаризм-демократизм», «индивидуализм-коллективизм», «альтруизм-эгоизм», «интернальность-экстернальность». В силу своей фундаментальности они являются психическими целостностями, которые могут выступать не только в виде установок, но и в виде мотивов, личностных черт и даже ценностей. В проведенном на базе вербальных тестов исследовании определена степень выраженности этих установок и мера их взаимосвязанности в группах российских студентов, выделенных по половому и этническому (русские и татары) признакам. Выявлено, что: 1) для всех групп характерны повышенные значения авторитарных, коллективистических и интернальных установок, 2) во всех группах обнаруживается тесная связь между выраженностью авторитарных и эгоистических установок; 3) различия в выраженности установок одного и того же типа в сопоставимых группах объяснимы влиянием естественно-биологических и культурных факторов.

1. Постановка проблемы

Проблема установки (аттитюда) является одной из классических для социальной психологии. Ее изучение началось более 70 лет тому назад, не прекращается до сих пор, и за это время несколько раз менялось отношение исследователей к ней. Первоначальный энтузиазм сменился некоторой «депрессией» после того, как У.Ла Пьер убедительно показал наличие сильных расхождений между вербально выражаемыми людьми прогнозами относительно своего будущего поведения в тех или иных ситуациях и их реальным поведением.

Длительное затишье прекратилось в 1960-е гг., когда интерес к проблеме возродился под влиянием двух факторов. Ими стали формирование когнитивного направления в психологии и бурный рост количества кросс-культурных исследований. Первое превратило изучение процессов так называемого социального познания (т. е. восприятия и понимания людьми социального мира, а также формирования у них оценочных отношений к отдельным его элементам) в одну из центральных задач социальной психологии. Второе привело к необходимости поиска фундаментальных параметров, по которым можно было бы сравнивать между собой различные культурные группы.

В результате психологи постепенно пришли к выводу, что должна быть изменена сама парадигмальная основа теории установки. Если ранее установки рассматривались как индивидуальные психические образования, в частности, в известном определении Г. Оллпорта они трактовались как такие состояния нервной системы и сознания личности, которые выражают ее готовность к определенным образом направленной активности [1, р. 810], то позднее стали разделяться собственно установки и социальные установки. Последние понимаются как специфические продукты коллективного сознания и культуры, усваиваемые в той или иной мере отдельными людьми. М. Рокич рассматривал их уже в сугубо когнитивном ключе как относительно устойчивую во времени систему представлений субъекта о социальном объекте или ситуации, которая предрасполагает его к выбору определенного поведения [2].

Так произошел переход от жесткой концептуальной модели – установки обуславливают и объясняют поведение – к мягкой: установки делают возможным то или иное поведение. Социальные установки стали трактоваться как культурно заданные тенденции, проявление которых в реальном поведении отдельных людей носит, однако, статистический, вероятностный характер. В такой интерпретации понятие постепенно утратило свою специфичность и стало почти неотличимым от понятий отношение, стереотип, ценность, мотив, смысл, личностная черта и др.

В частности, Л. Фестингер утверждал, что мнения, убеждения, установки и ценности, хотя и имеют некоторые различия, в целом являются «элементами знания» [3, с. 25]. В наши дни Г. Бонер пишет: «...установки в отношении абстрактных сущностей <...> часто обозначаются как *ценности*» [4, с. 233]. Характерны также мнения отечественных специалистов. У В.А. Ядова установки и ценности отличаются друг от друга только мерой генерализации, будучи частями целостной системы диспозиций [5, с. 62–70]. Д.А. Леонтьев отмечает: «...мотивы крайне трудно отделить в эксперименте от личностных смыслов и смысловых установок, только через посредство которых они и проявляются. То же, но в еще большей степени относится к ценностям» [6, с. 130]. А.Г. Шмелев пишет: «Вместо термина «черта» все чаще используются термины «установка» и «отношение» [7, с. 56].

Думается, такое переплетение понятий не случайно, а закономерно, и причина сложившегося положения в том, что как только исследователи начинают все глубже и глубже проникать в суть тех конкретных явлений, которые ими изучаются, они обнаруживают в самом основании, «на самом дне» нечто единое, целостное и нерасчленимое. Там, «в глубине», обнаруживается, что наиболее фундаментальные установки оказываются чрезвычайно устойчивыми и проявляют себя как стереотипы, в этом качестве они приобретают мотивирующую функцию, становятся следствием определенных личностных черт и ценностей, а также сами влияют на их формирование. Так же тесно взаимосвязаны и взаимно переходят друг в друга и остальные названные психологические переменные.

2. Теоретический анализ проблемы

Сказанное выше заставляет рассмотреть феномен социальной установки в теоретическом плане. Существуют две принципиальные линии такого анализа.

Первая – традиционная, в ее рамках установки рассматриваются как результат предыдущего опыта. Суть такого подхода в том, что при многократном взаимодействии с одними и теми же объектами в однотипных ситуациях их значение постепенно перестает фиксироваться сознанием в форме сиюминутно возникающего отношения и приобретает форму бессознательного устойчивого стереотипа, установки. Различные особенности этого процесса раскрыты в работах А.Г. Асмолова, А. Бандуры, Д.Н. Узнадзе и др. Таким образом, формирование установок оказывается очень похожим на формирование условных рефлексов у животных.

На возможность второго подхода указал О.М. Панфилов, высказав мысль о том, что фиксированная установка была первой формой отношения в филогенезе человека [8, с. 217]. Эта мысль кажется мне весьма плодотворной и нуждающейся в дальнейшем развитии. Исходя из нее можно предложить, что феномен фиксированной установки появился у первобытного человека как непосредственное продолжение инстинктивных, генетически обусловленных регуляторов поведения. Например, различные запреты и табу могли возникнуть не как результат осознанного наложения общностью (культурой) ограничений на некоторые формы поведения. Возможен вариант, когда они вообще не осознавались как запреты, а существовали в форме фиксированной установки, являясь «продолжением» инстинктивных форм поведения. Я имею в виду следующее. Постепенное эволюционное развитие сознания вынуждало людей искать объяснение всему, с чем они сталкивались. Они не могли не замечать того, что в них самих есть что-то, заставляющее их делать одно и не делать другого. Как, например, они могли объяснить себе наличие каких-то внутренних сил, удерживающих от инцеста? А если не объяснить, то хотя бы перенести на когнитивный уровень сам факт их наличия? В результате такого переноса и мог появиться сам феномен табу.

Будет полезно вспомнить, что, по З. Фрейду, табу имеет очень древнее происхождение и с ним связано возникновение совести. Он пишет: «...понимание табу проливает свет на природу и возникновение совести», – и продолжает: «совесть представляет собой внутреннее восприятие недопустимости известных имеющихся у нас желаний; но ударение ставится на том, что эта недопустимость не нуждается ни в каких доказательствах» [9, с. 435]. Инстинкт, как известно, тоже не нуждается в доказательствах, а просто руководит действием. Не предполагают доказательств и установки, тем не менее, они передаются из поколения в поколение с помощью уже культурных средств (в том числе системы табу и санкций) как обязательные и естественные шаблоны поведения.

Разумеется, я далек от того, чтобы объявлять установки прямым продолжением инстинктов. Но связь между инстинктивными и установочными формами поведения, очевидно, существует, особенно если вести речь о ранних стадиях эволюции человека. Позднее, по мере развития сознания, по всей видимости, происходили длительные процессы, в результате которых, с одной стороны, оно все более и более приобретало способность подавлять некоторые инстинктивные реакции, а с другой стороны, – «отказываться» от регуляции тех реакций, которые формировались у человека по принципу условного рефлекса, т. е. вследствие прижизненного научения. Так, на основе сочетания, вза-

имного наложения двух разных механизмов (биологического и культурного) могло сформироваться то психическое явление, которое психологи обозначили термином «установка».

На уровне сознания ему соответствует убеждение, суть которого в том, что человек верит в недопустимость некоторых форм поведения и в правомерность других, в невозможность одних событий и фактов и в истинность других. Убеждение, в свою очередь, имеет в своей основе психологический феномен, называемый верой (в данном случае я имею в виду не веру в Бога, а веру вообще). Сравнительно легко можно показать, что вера в каком-то смысле тоже заменяет инстинкт. У животного есть инстинкт, следование которому имеет силу категорического императива, не требует принятия решения и не вызывает колебаний. Человек, обладающий сознанием, как уже отмечалось, отчасти способен подавлять собственные инстинкты, но это создает опасность возникновения полного хаоса в его взаимодействии с окружающей средой, в том числе с другими людьми. Сознание резко увеличивает количество степеней свободы при принятии решений. Следовательно, необходим психологический механизм, обеспечивающий не просто избирательность его действий, а разумную избирательность или, по крайней мере, избирательность, направленную в некое единое русло. Необходим механизм «наведения порядка». Он как раз и создается убеждениями и верой.

Так можно построить цепочку «инстинкт-установка-убеждение». Первый ее элемент имеет генетическую обусловленность, последний полностью обусловлен наличием сознания, средний является переходным. Переходность означает, что, во-первых, для феномена установки характерно сложное, постоянно изменяющееся от ситуации к ситуации взаимодействие бессознательного и сознательного, во-вторых, форму установки могут приобретать разные по происхождению психические феномены. Сказанное означает также, что две упомянутые выше линии анализа смыкаются, если принять расширительное толкование термина «опыт» и включить в него, во-первых, то, что генетически задано, во-вторых, то, что обусловлено многовековым развитием культуры.

Такое расширительное толкование позволяет также говорить об установках разного уровня фундаментальности, например, об установках, образующихся на основе индивидуального опыта, об установках, имеющих культурное происхождение, и об установках, обусловленных наличием у человека инстинктивных форм поведения. Три эти уровня можно выделить, однако, только теоретически, потому что эмпирически их расчленивать крайне сложно. В реальности все накладывается друг на друга и индивидуальный опыт ложится на «благоприятную почву», подготовленную биологией и культурой, в свою очередь, культура тоже формируется и развивается не на пустом месте, а имеет корни в социобиологической эволюции человека. Эта идея, хотя и не является общепризнанной, поддерживалась и поддерживается многими крупными учеными, начиная с Ч. Дарвина, П.А. Кропоткина и др.

Несмотря на наличие таких сложностей, я считаю, что есть все основания говорить о существовании у людей фундаментальных социальных установок, вытекающих, с одной стороны, из биосоциальных инстинктов (их называют также зоосоциальными), с другой стороны, обусловленных культурным разви-

тием, но в случае с отдельной личностью зависящих (с точки зрения их выраженности) в большой степени от индивидуального опыта и индивидуального уровня когнитивного развития.

В настоящее время не существует точно подтвержденной в исследованиях и экспериментах номенклатуры инстинктов, безусловных рефлексов и потребностей. Это отмечалось еще 20 лет назад П.В. Симоновым [10, с. 16], и с тех пор мало что изменилось. Тем более, нет возможности составить перечень таких фундаментальных установок, которые имеют чисто культурное происхождение и не связаны непосредственно с какими-либо инстинктами. Поэтому я позволю себе опираться далее на чисто логические построения.

Во-первых, нужно, видимо, признать, что если существуют группы и общности, то должны существовать какие-то силы, которые объединяют в них отдельных индивидов (или отдельные особи). Более того, в группах и общностях для того, чтобы они могли нормально функционировать и не распасться, должны действовать силы, определенным образом регулирующие соотношение интересов индивида и группы (в данном случае термин «интерес» я использую в объективном смысле). Если группа не обеспечивает минимальные интересы индивида, превышающие то, что он может получить в одиночном существовании, «бытие» в группе теряет всякий биологический и социальный смысл. Верно, однако, и обратное: группа не сможет существовать как целое и длиться, если индивиды не заботятся о ее интересах. Во-вторых, не должно быть сомнений в том, что группы и общности – это системы, нуждающиеся в определенной упорядоченности элементов и взаимодействиях между ними, что предполагает возникновение иерархической структуры. Соответственно, необходимо говорить о наличии иерархизационных сил. В-третьих, силы первого и второго типов должны быть так или иначе согласованы и не должны противоречить друг другу.

Указанные силы объективны в том плане, что между физическим миром и живой природой не могут не существовать закономерные связи и отношения. До определенного уровня эволюции они отражаются через систему инстинктов, обеспечивающую связь и «логически» непротиворечивое взаимодействие живого с окружающим миром. С развитием сознания и культуры эта система дополняется системой фундаментальных установок, а далее системой ценностей и убеждений. Несмотря на все отличия между ними, каждая из них основывается на некоторых общих (универсальных) «идеях», которые по-разному в них воплощаются и реализуются через разные психические механизмы.

Вышесказанное позволяет мне выделить в качестве фундаментальных социальных установок такие, которые формируются в континуумах «авторитарность-демократичность», «индивидуализм-коллективизм», «альтруизм-эгоизм», «интернальность-экстернальность». Я не настаиваю на том, что этими континуумами ограничивается их номенклатура, а также на том, что названные являются однопорядковыми и взаимно независимыми. Тем не менее, их выделение требует обоснования.

Антиномия *авторитарность-демократичность* была впервые обозначена как психологическая проблема К. Левиным и Э. Фроммом (каждым в отдельности). Позднее Т. Адорно с коллегами эмпирически изучил «авторитарный синдром», разработав для этого специальную методику, и пришел к выводу о

его установочной природе [11]. Исследований в этой области в наши дни немало, хотя полученные результаты неоднозначны. Я не буду их анализировать и остановлюсь только на самом существенном, с моей точки зрения. Оно состоит в том, что практически все исследователи рассматривают эту установку как дериват иерархических отношений, формирующихся в континууме доминирование-подчинение. Разница в подходах состоит лишь в том, что одни вслед за Т. Адорно считают, что авторитарная установка проявляется себя на обоих полюсах данного континуума (авторитарное доминирование и авторитарное подчинение), другие же утверждают, что она связана лишь с полюсом доминирования [12, 13].

Как бы то ни было, связь авторитарных и демократических установок с имеющими биологические корни отношениями доминирования-подчинения (иерархический инстинкт) очевидна. Объяснить их формирование так же, как формирование целого ряда других психологических явлений, связанных с феноменами общественной иерархии и власти, можно, если проанализировать трансформации, произошедшие в психике человека в процессе его социокультурного развития (такое объяснение предложено в одной из моих статей [14], и здесь я на нем не останавливаюсь). Иерархический инстинкт является в сообществах живых существ высокого уровня развития одним из главных регуляторов взаимодействий между отдельными особями. Это не должно оставлять сомнений в том, что и социальные установки рассматриваемого типа, относятся к числу фундаментальных.

Проблема *индивидуализма и коллективизма* мало изучена в науке. Считается, что начало исследованиям в этой области положил Г. Хофстеде, который с помощью факторного анализа впервые выделил сам конструкт «индивидуализм-коллективизм» [15]. Впрочем, у нас более известны работы Г. Триандиса [16], в которых эта проблема рассмотрена в кросс-культурном аспекте. В его концепции индивидуализм и коллективизм представлены одновременно как культурная и личностная тенденции. В объективном плане обе тенденции понимаются им как культурные паттерны, характерные для определенного круга лиц. Считается, что коллективистские культуры подчеркивают взаимозависимость любого человека и определенных коллективов (например, семьи, племени, нации). Индивидуалистические культуры подчеркивают, что люди не зависят от своих групп. Эти паттерны имеют столь древнее происхождение и настолько укоренены в культуре, что зачастую не осознаются на индивидуальном уровне.

На этом уровне они обозначаются Г. Триандисом как характерные для той или иной личности ориентации (соответственно, «аллоцентрическая» и «идиоцентрическая»). Однако понятие «ориентация» является очень широким. Как видим, с его помощью описываются интенции, имеющие и осознаваемый, и неосознаваемый характер. Поэтому есть все основания рассматривать индивидуалистические и коллективистские ориентации именно как социальные установки. Их фундаментальность обусловлена тем, что указанные «паттерны» описывают важный аспект взаимодействий и отношений типа «индивид-группа» («индивид-другие»).

В отличие от отношений доминирования-подчинения их биологические корни не столь очевидны, но некоторые данные такого рода имеются. Например, М.Л. Бутовская приводит сведения о том, что у приматов одни особи более ориентированы на контакты внутри сообщества, а другие проявляют больший интерес к взаимодействиям с внешней средой и не столь социально активны. Она же указывает далее, что вторая группа особей, т. е. «индивидуалисты», как правило, имеют более низкий статус в сообществе, чем первая, т. е. «коллективисты» [17, с. 400]. Эти факты можно интерпретировать так, что индивидуалистические и коллективистические установки являются следствием разной степени выраженности так называемой аффилиативной потребности (потребности в принадлежности к группе). В процессе культурного развития разных групп людей в них могли сложиться специфические нормы, связанные с удовлетворением этой потребности. Они, в свою очередь, транслируясь из поколения в поколение, влияли и влияют на формирование соответствующих установок у отдельных индивидов.

Понятия *эгоизма* и *альтруизма* в современной науке трактуются почти исключительно в этической плоскости. Однако это вряд ли верно. Сами по себе указанные полярности (как и предыдущие) не являются ни нравственными, ни безнравственными. Они представляют собой естественные, биопсихически обусловленные тенденции, каждая из которых в той или иной мере присуща любому человеку. Аналогии того и другого наблюдаются в поведении животных: подача звуковых сигналов при приближении хищника, некоторые формы материнской самоотверженности, широко распространенные у приматов явления груминга и попрошайничества считаются предпосылками альтруизма. На основании этого многие делают вывод о том, что эгоизм связан с индивидуальным инстинктом самосохранения, а альтруизм с биосоциальными силами, «работающими» на сохранение вида [17, с. 30–31; 18, с. 183].

Более того, альтруизм часто понимается как изощренный, просчитанный далеко вперед эгоизм. Если даже имеется в виду «расчет», совершаемый самой природой, как это выглядит у Р. Докинза [19], альтруизм превращается в условный термин, обозначающий эгоистические формы поведения, результаты которых отложены во времени на неопределенный срок. Такая редукция – типичный пример рационализации. Однако следует помнить, что эгоизм часто бывает столь же «нерационален», как и альтруизм, т. к. игнорирует негативные последствия своих поступков, которые со временем «перекроют» сиюминутную выгоду. Поэтому дихотомию эгоизма-альтруизма нельзя рассматривать с позиций рационализма. И то и другое и рационально, и иррационально.

Альтруизм в его современном, этическом понимании, по-видимому, стал развиваться в древних сообществах людей как культурный механизм, уменьшающий негативные последствия постоянного доминирования одних над другими. В противном случае внутренняя борьба в нем могла бы быть слишком ожесточенной. Что касается эгоизма, то он мог развиваться в качестве защитного механизма, позволяющего отстаивать интересы собственного «Я» тем, кто не мог достичь этого с помощью доминирования. Древние люди, занимавшие низкие статусы в группах, просто не могли проявлять альтруизм. Если даже их

поведение было похоже на него, оно было обусловлено зависимым положением, т. е. было вынужденным, а не добровольным.

У современного человека альтруизм и эгоизм могут рассматриваться и как устойчивые личностные черты, и как поведенческие установки. В любом случае эти категории фиксируют еще один существенный аспект соотношения «индивид-группа», который отличается от предыдущего. Суть этого отличия в следующем: индивидуализм есть установка на отделение и отдаление от других и от группы, а эгоизм – установка на заботу о себе и использование других в своих целях. И, наоборот, коллективизм равнозначен установке на сближение и на взаимодействие с группой, а альтруизм – установке на заботу о других.

Понятия *интернальности* и *экстернальности* появились в научном обиходе значительно позже рассмотренных выше. Они были предложены Д. Роттером [20] для описания специфических личностных типов, одному из которых свойственно возлагать ответственность за происходящее с собой на самого себя, а другому – на социальную среду. Конечно, к психологическим типам людей всю проблему ответственности свести нельзя, как нельзя ее свести и к проблеме возложения ответственности (прежде чем что-то возлагать, надо хотя бы определить, что возлагается). Эта проблема занимает важное место в философии, социологии, этике и юриспруденции. Однако все ее стороны рассмотреть здесь невозможно, поэтому я сосредоточусь на том, что важно в контексте данной статьи.

Нельзя не обратить внимания на то, что две науки, для которых проблема ответственности является центральной, т. е. этика и юриспруденция, имеют нормативный характер, а нормы, как известно, не что иное, как правила, регулирующие взаимодействие. Следовательно, ответственность связана с соблюдением норм и правил взаимодействия. Кроме того, поскольку любое действие ведет к определенным последствиям, и отдельный индивид, и группа заинтересованы в том, чтобы совершались правильные (нужные, необходимые для них) действия, а если совершаются неправильные, чтобы можно было определить виновника. Это важно, по крайней мере, для предотвращения подобных действий в последующем. Следовательно, ответственность связана с атрибуцией и так называемым вменением. Поэтому понятие ответственности характеризуют определенный аспект соотношения «индивид-группа», который не сводится ни к одному из рассмотренных выше.

Если ответственность – это вменение, связанное с соблюдением и нарушением норм, возникает вопрос, откуда и как возникают сами нормы. Обычный ответ заключается в том, что они формируются и изменяются в результате длительного культурного развития различных групп людей. Однако это только часть ответа, потому что взаимодействия в группах регулируются и в животной среде. Там тоже существуют определенные «правила». Причем так же, как в самой существенной части одинаковы нормы у групп людей, тысячи лет проживающих в тысячах километрах друг от друга, эти «правила» в основном одинаковы у групп животных одного и того же вида, никогда не сталкивавшихся друг с другом, и даже у групп, относящихся к разным видам. Иначе говоря, то, что мы называем ответственностью, в другой форме давно существует в природе. Правила взаимодействия «вписаны» как императивы в различные инстинкты, например, в родительский и др.

Именно с наличием таких правил связан феномен табу. С его появлением, точнее, с появлением его нарушений у человека в древности должно было начать формироваться представление об ответственности, и одновременно должен был начаться поиск путей освобождения от нее. Тот, кто нарушает запреты, может либо испытывать чувство вины и раскаиваться, либо искать способ снятия с себя вины за совершенное. Интернальный и экстернальный локусы контроля, видимо, и стали психологическими тенденциями, соответствующими этим «стратегиям».

Итак, психологические феномены, отражающиеся в континуумах «доминирование-подчинение», «индивидуализм-коллективизм», «эгоизм-альтруизм», «экстернальность-интернальность», рассматриваются мной как фундаментальные социальные установки, имеющие биосоциокультурное происхождение и охватывающие в совокупности основные стороны взаимодействия между индивидом и группой. В силу своего происхождения они относятся к числу глубинных элементов в структуре психики личности. Поэтому, обозначая их как установки, необходимо помнить, что на самом деле это психические целостности, синкретизмы, которые могут выступать и в виде установок, и в виде мотивов, и в виде устойчивых личностных черт, и в виде ценностей.

Можно их рассматривать как глубинные психологические паттерны, которые бессознательно транслируются в культуре в течение столетий, очень медленно изменяясь. Разумеется, они не являются обязательными для всех носителей той или иной культуры. Весьма кстати здесь понятие «модальной личности», предложенное много лет назад К. Дюбуа, под которой она понимала наиболее распространенный тип личности в данной культуре [21]. Данные установки, во-первых, могут быть выражены неодинаково и, во-вторых, по-разному связаны между собой у отдельных людей и в отдельных группах. Выяснение этого требует уже эмпирического исследования.

3. Методика исследования

Эмпирическое изучение фундаментальных социальных установок, которые в значительной мере не осознаются ни на индивидуальном, ни на групповом уровнях, сопряжено с методическими трудностями. Главная проблема состоит в том, что вербальные тесты предполагают необходимость адекватного понимания испытуемыми заданий и осознанных ответов на них. Использование проективных методик создает трудности в интерпретации ответов исследователем и в переводе их в количественные показатели. В данном исследовании использовались вербальные методики, исходя из того соображения, что характерные для индивида фундаментальные установки так или иначе будут проявляться и на сознательном уровне. Таким образом, эти методики не гарантируют получение абсолютно точных результатов, но позволяют выявить некоторые тенденции.

В тестовых опросах, проводившихся в 2006 г. в г. Казани на выборке в 245 студентов средних специальных учебных заведений и вузов в возрасте от 16 до 23 лет, использовались четыре методики¹.

¹ Эти опросы являлись частью более обширного исследования, которое проводилось под моим руководством сотрудниками лаборатории психологии ИПП ПО РАО О.А. Аникеенко, О.Н. Галаниной и Г.И. Кашаповой.

Методика, разработанная совместно с Р.Ф. Баязитовым [22], предназначалась для измерения уровня авторитарной стереотипизации. Тридцать ее заданий направлены на выяснение того, насколько испытуемые поддерживают или отвергают построение социальных отношений на основе принципов авторитарного доминирования на трех уровнях (шкалы межличностной, организационной и социально-политической авторитарности). Использовалась девятибальная градация ответов от -4 до 4 . В данном исследовании учитывались только ответы по первой и третьей шкале (20 заданий). Таким образом, суммарный размах индивидуальных результатов был в диапазоне от -80 до 80 при теоретической средней, равной 0 . Положительный полюс ответов соответствовал выраженности авторитарных установок.

Вторая методика была разработана совместно с Г.И. Кашаповой [23] для измерения установок в континууме коллективизм-индивидуализм. Сам конструкт «коллективизм-индивидуализм» трактовался как многофакторное образование, включающее в себя общую самодостаточность, ориентацию на членство в группах, на межличностную коммуникацию, на самостоятельность в принятии решений и др. Итоговый опросник состоял из 25 суждений, меру своего согласия с которыми испытуемые оценивали в семибальной шкале от -3 до 3 . При теоретической средней, равной 0 , размах индивидуальных результатов был в диапазоне от -75 до 75 . Положительный полюс ответов соответствовал выраженности индивидуалистических установок.

Для измерения установок в континууме эгоизм-альтруизм использовались две методики: опросник диспозиционного эгоизма К. Муздыбаева [24] и опросник мотивации помощи С.К. Нартовой-Бочавер [25]. Первая из них включает в себя 10 заданий, вторая – 12. Для обеих методик применялась семибальная оценочная шкала от -3 до 3 . Вычислялся суммарный показатель альтруизма-эгоизма по двум методикам, для чего во второй из них знаки ответов были перевернуты с минуса на плюс и наоборот. Общий размах индивидуальных результатов был от -66 до 66 с теоретической средней 0 . Положительный полюс ответов соответствовал выраженности эгоистических установок.

Наконец, выраженность интернальных и экстернальных установок выявлялась с помощью адаптированного Е.Ф. Бажиным, Е.А. Голынкиной и А.М. Эткингом [26] опросника Д. Роттера, известного под названием методики УСК (уровень субъективного контроля). Опросник включает 44 задания. Так же, как во второй и третьей методиках, использовалась семибальная шкала ответов от -3 до 3 с размахом индивидуальных результатов от -132 до 132 и с теоретической средней 0 . Положительный полюс ответов соответствовал выраженности интернальных установок.

4. Результаты исследования

Итоговые показатели по каждому типу установок для всей выборки, а также для половых и этнических групп студентов приведены в табл. 1.

Как можно видеть, средний показатель по первой методике оказался равен 13.90 , что свидетельствует о заметно повышенном уровне авторитарных установок у студенческой молодежи. По шкале индивидуализм-коллективизм был получен показатель -12.34 , который говорит о явном преобладании коллекти-

Табл. 1

Выраженность фундаментальных установок у отдельных групп студентов¹

№	Установки	Все (245)	Муж. (114)	Жен. (129)	Рус. (115)	Тат. (120)
1	Авторитаризм-демократизм	13.90	21.58*	8.72*	8.96*	17.44*
2	Индивидуализм-коллективизм	-12.34	-12.29	-12.46	-10.91	-13.65
3	Эгоизм-альтруизм	-4.21	-1.71*	-5.83*	-5.11	-3.59
4	Интернальность-экстернальность	13.92	11.63	15.59	18.91*	11.11*

вистических установок над индивидуалистическими. По третьей методике результаты таковы. Средний показатель диспозиционного эгоизма равен 1.13. Опросник мотивации помощи дал результат -5.34. В первом случае есть некоторое смещение в сторону эгоизма, а во втором – альтруизма. Однако смещения эти невелики (особенно в первом случае), поэтому есть основания говорить о том, что в континууме альтруизм-эгоизм обнаруживается уравнивание установок. Суммарный индекс по двум методикам оказался равен -4.21. По методике УСК средний индекс для всей выборки равен 13.92, что говорит о повышенной выраженности у студентов интернальных установок.

Во всех выделенных группах студентов наблюдается примерно одинаковая степень выраженности только установок в континууме индивидуализм-коллективизм. По всем остальным установкам есть существенные отличия, причем они обнаруживаются не только между половыми группами, но и между этническими. Девушки в целом имеют более альтруистичные и менее авторитарные установки, чем юноши. Различия в их выраженности между полами легко вписываются в традиционные схемы ролевой дифференциации, наблюдаемые, в том числе, и у высокоразвитых животных. Можно, конечно, заметить, что в группах людей нередко возникает скрытое (и открытое) доминирование и лидерство женщин, но все-таки гораздо чаще стремление к тому и другому демонстрируют мужчины.

По этническим группам имеется два существенных отличия. В русской выборке более выражены интернальные установки и менее выражены авторитарные по сравнению с их сверстниками-татарами. Эти особенности уже невозможно объяснить ссылками на естественные ролевые и функциональные различия. В данном случае мы имеем дело с культурными группами, а следовательно, различия в их фундаментальных установках отражают специфику их традиционного менталитета.

Рассмотрим, как соотносятся друг с другом изучавшиеся установки. Далее на рис. 1 изображена схема корреляционных связей (использовался коэффициент линейной корреляции r) по всей выборке испытуемых.

¹ Звездочками отмечены индексы, величины которых статистически значимо (во всех случаях $\alpha \leq 0.01$) отличаются во взаимно сопоставимых группах испытуемых по t -критерию Стьюдента.

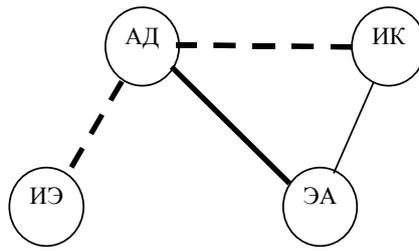

Рис. 1. Корреляционные связи между выраженностью установок на авторитаризм-демократизм (АД), индивидуализм-коллективизм (ИК), эгоизм-альтруизм (ЭА), интернальность-экстернальность (ИЭ)¹

Достаточно отчетливо выделяется триада авторитарность-эгоизм-индивидуализм. На концах этой цепочки находятся установки, отрицательно коррелирующие между собой. Если перевернуть знаки у некоторых коэффициентов, ее можно преобразовать, и тогда она примет такой вид: эгоизм-авторитарность-коллективизм. Центральное положение в этой схеме занимает сильная положительная связь между авторитарностью и эгоизмом (значение коэффициента равно 0.36). Установки в континууме «индивидуализм-коллективизм» коррелируют с установками других типов в разных группах по-разному. Например, в женской выборке и у татар существует такая же связь между коллективизмом и авторитарностью, как и во всей выборке; у студентов русской национальности коллективизм отрицательно связан с эгоизмом, а с авторитарностью связей не имеет; в мужской выборке установки данного типа никак не связаны с другими. Установки в континууме интернальность-экстернальность связаны только с авторитарными установками. При усилении последних снижается выраженность внутреннего (интернального) локуса контроля и повышается выраженность внешнего (экстернального).

Большой интерес представляет схема корреляционных связей между фундаментальными установками по различным изучавшимся группам. Как мы уже видели, между мужчинами и женщинами, русскими и татарами есть значительные различия, и обобщенная схема связей может не отражать ничего реального. Действительно, корреляционный анализ по 4 группам: русские, татары, юноши, девушки – выявил некоторые различия.

В женской части выборки наблюдается цепочка положительных связей «эгоизм-авторитарность-коллективизм» (коэффициенты статистически значимы на уровне $P \geq 0.99$, но не высоки: 0.36 и 0.26 соответственно). В мужской части выборки имеется уже другая цепь положительных связей: эгоизм-авторитарность-экстернальность, – с коэффициентами 0.32 и 0.20. Картина в этнических группах несколько отличается. Если у татар можно увидеть абсолютно такой же рисунок связей, что и в женской выборке (соответствующие коэффициенты корреляции равны 0.38 и 0.27), то у русской молодежи связаны друг с другом все четыре фундаментальные установки. Схема связей выглядит у них

¹ Сплошные линии обозначают положительные связи; пунктирные – отрицательные связи; жирные линии соответствуют коэффициентам корреляции, статистически значимым на уровне $P \geq 0.99$; тонкая – на уровне $P \geq 0.95$.

так: индивидуализм-эгоизм-авторитарность-экстернальность. Сами коэффициенты корреляции равны 0.18, 0.33 и 0.25.

Эти данные позволяют утверждать, что система фундаментальных социальных установок молодых россиян мужского и женского пола русской и татарской национальностей «завязана» на сильно выраженной и устойчивой положительной связи между авторитарностью и эгоизмом (значения коэффициентов корреляции в разных группах находятся в диапазоне от 0.32 до 0.38). Нетрудно видеть, кроме того, что в мужской части выборки корреляция между авторитаризмом и эгоизмом обнаруживается на фоне более высоких средних показателей и того, и другого, а в женской выборке – наоборот. Почти то же самое можно увидеть при сравнении русской и татарской выборок. Следовательно, связь между авторитаризмом и эгоизмом остается неизменной, несмотря на значительные изменения средних показателей степени выраженности самих этих установок в отдельных группах испытуемых.

Далее необходимо обратить внимание на то, что в татарской выборке взаимно коррелируют две установки с высокими средними индексами: авторитарность и коллективизм. Это дает основание отнести татар к культурам «вертикально коллективистического» типа [16]. У русских же средние индексы установок на авторитарное доминирование и коллективистических установок повышены в меньшей степени и корреляции между ними нет. Напротив, у них коллективизм коррелирует не с авторитарностью, а с альтруизмом (соответственно, индивидуализм коррелирует с эгоизмом).

Интересная ситуация складывается с установками в континууме «интернальность-экстернальность». В мужской выборке и у русских повышение уровня авторитарности ведет к усилению экстернальности. Это кажется естественным, согласуется с идеями Т. Адорно, высказанными им по поводу авторитарного синдрома, но не ясно, почему: а) и в русской выборке, и в мужской одинаковые корреляционные связи выявляются при совершенно разном сочетании средних показателей по этим установкам; б) при столь же разном сочетании этих показателей в женской выборке и у татар корреляционные связи отсутствуют.

Необходимо отметить еще одну особенность. При сравнении средних значений выраженности установок по отдельным группам студентов бросается в глаза то, что результаты в русской выборке очень похожи на результаты в женской, а результаты в татарской выборке – на результаты в мужской (см. табл. 1). Однако стоит перейти к анализу корреляционных связей между установками, как оказывается, что структура связей в русской выборке больше напоминает то, что характерно для мужской, а в случае с татарами все обстоит с точностью наоборот. Вновь возникает закономерный вопрос: почему? Я оставляю этот вопрос, как и предыдущий, без ответа, т. к. он требует проведения дополнительных исследований.

5. Выводы

Полученные результаты демонстрируют различия в выраженности установок одного и того же типа во взаимно сопоставимых группах: юноши и девушки, татары и русские. В первом случае они объяснимы влиянием ролевой дифференциации, имеющей не только культурные, но и естественно-биологиче-

ские корни. Во втором случае преобладающую роль должны играть культурно-исторические факторы.

Исследование позволяет выделить личностные типы, у которых по-разному выражены фундаментальные социальные установки. В частности, до четверти обследованных студентов имеют одновременно повышенные показатели установок на авторитарное доминирование, коллективистических и экстернатальных установок в сочетании со средними показателями выраженности установок в континууме альтруизм-эгоизм. Возможно, это и есть «модальная личность» для российской культуры.

Есть все основания говорить о том, что между выделенными фундаментальными социальными установками существуют определенные связи. Их характер неодинаков в различных группах испытуемых. Например, у юношей связи являются в среднем более слабыми, а у девушек они несколько сильнее. Наблюдается четко выраженная специфика рисунка корреляционных связей в этнокультурных группах русских и татар. Обнаруживается единая для всех выборок более или менее тесная положительная связь между установками на авторитарное доминирование и эгоистическими установками.

Эти результаты и выводы нуждаются в дальнейшем подтверждении (или опровержении). Нужны новые исследования на разных выборках и с использованием более совершенных методов.

Summary

B.S. Alishev. The fundamental attitudes and their interrelation.

The article analysis the problem of attitudes which still remains quite a pressing question in modern psychology. The notion of existence of diverse by origin attitudes is developed. Presence of fundamental attitudes having deep roots in the biological essence of the human is theoretically justified. During the evolution these attitudes arise as a part of cultural system and can feebly be reflected at an individual level. Author refers to them the attitudes which originate in the continuums: "Authoritarianism-Democratism", "Individualism-Collectivism", "Altruism-Egoism", "Internality-Externality". On account of their fundamentality such attitudes have to be considered as a mental integrity which can act not only in the form of attitudes, but also in the form of motives, personal features and even values. In the research which was carried out on the basis of verbal tests the degree of intensity of these attitudes and the measure of their coherence in the groups of the students singled out according to sexual and ethnic (Russians and Tatars) characters are determined. It is ascertained, that: 1) for all groups the heightened value of authoritarian, collectivistic and internal attitudes is typical; 2) in all groups close correlation between the intensity of authoritarian and egoistic attitudes is revealed; 3) the distinctions in the intensity of the same type of attitudes in comparable groups can be justified on the grounds of the influence of natural-biological and cultural factors.

Литература

1. *Allport G.W.* Attitudes // Handbook of social psychology / Ed. C. Murchison. – Worcester, MA: Clark University Press, 1935. – P. 798–884.
2. *Rockeach M.* The nature of attitudes. // Beliefs, attitudes and values / Ed. M. Rockeach. – San-Francisco, CA: Josey-Bass, 1968. – P. 109–132.
3. *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. – СПб.: Речь, 2000. – 320 с.
4. *Бонер Г.* Установки // Введение в социальную психологию. Европейский подход / Под ред. М. Хьюстона и В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – С. 231–274.

5. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. – Л.: Наука, 1979. – 264 с.
6. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
7. *Шмелев А.Г.* Психодиагностика личностных черт. – СПб.: Речь, 2002. – 480 с.
8. *Панфилов О.М.* Ценностные отношения: природа и генезис: Дис. ... д-ра филос. наук. – СПб., 1995. – 358 с.
9. *Фрейд З.* Тотем и табу // Фрейд З. Я и Оно. – М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во «Фолио», 2002. – С. 363–528.
10. *Симонов П.В.* Мотивированный мозг. – М.: Наука, 1987. – 240 с.
11. *Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D., Sanford R.N.* The Authoritarian Personality. V. 1–2. – N. Y.: Harper and Row, 1950. – 990 p.
12. *Altemeyer B.* The other “authoritarian personality” // *Advances in Experimental Social Psychology* / Ed. M. Zanna. – San Diego, CA: Academic Press: 1998. – V. 30. – P. 47–92.
13. *Ray J.J.* Authoritarianism, dominance and assertiveness // *J. of Personality Assessment*. – 1981. – V. 45 (4). – P. 390–397.
14. *Алишев Б.С.* Иерархизация в социальных взаимодействиях: психологические предпосылки, технологии и ценности // *Социальная психология: теория и практика* / Под ред. М.Г. Рогова и С.П. Дырина. – Наб. Челны: Институт управления, 2002. – С. 5–30.
15. *Hofstede G.* Culture's Consequences: International differences in work related values. – Newbury Park, CA: Sage, 2005. – 328 p.
16. *Триандис Г.* Индивидуализм и коллективизм: прошлое, настоящее и будущее // *Психология и культура* / Под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003. – С. 73–97.
17. *Бутовская М.Л.* Универсальные принципы организации социальных систем у приматов, включая человека: Дис. ... д-ра. ист. наук. – М., 1994. – 468 с.
18. *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
19. *Докинз Р.* Эгоистический ген. – М.: Мир, 1993. – 316 с.
20. *Rotter J.D.* Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // *Psychological Monographs*. – 1966. – V. 80 (1). – P. 1–28.
21. *DuBois C.* The People of Alor: A Socio-Psychological Study of an East Indian Island. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1969. – 654 p.
22. *Баязитов Р.Ф.* Авторитарный стереотип в менталитете современной молодежи: Дис. ... канд. психол. наук. – Казань, 2005. – 181 с.
23. *Кашапова Г.И., Алишев Б.С.* Индивидуализм и коллективизм как ментальные тенденции // *Представления современных студентов о жизненных ценностях и своем профессиональном будущем* / Под ред. Б.С. Алишева. – Казань: Изд-во «Данис» ИПП ПО РАО, 2006. – С. 57–71.
24. *Муздыбаев К.* Эгоизм личности // *Психол. журн.* – 2000. – Т. 21, № 2. – С. 27–39.
25. *Нартова-Бочавер С.К.* Экспериментальное исследование ситуационной изменчивости мотивации помощи // *Психол. журн.* – 1992. – Т. 13, № 4. – С. 15–23.
26. *Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткин А.М.* Опросник уровня субъективного контроля (УСК). – М.: Смысл, 1993. – 16 с.

Поступила в редакцию
01.11.06

Алишев Булат Саямович – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Казанского государственного университета.